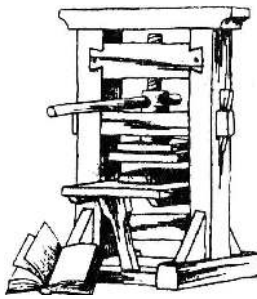

ДЕБЮТ

Ная ЦОЙ

ЗАУРЯДНЫМ РАСТВОРОМ ЛЮГОЛЯ

Заурядным раствором Люголя,
Бромкрезоловой зеленью едкой
Я рисую безмолвное поле,
А на нем — грезы тоненькой веткой.

Что поделать: ни красок, ни кисти.
И пусть мир не поймет и не примет.
Непреложных, действительных истин
У меня ведь никто не отнимет.

Если только чуть-чуть постараться,
Желтый даст краснота фталеина.
Это просто и правильно, братцы:
Пусть хоть здесь не зияют руины,

Не кипит кровь на стертом прикладе,
Не звенят над усопшим кадила.
Наконец на безжизненной глади
Загорелось живое светило.

Его больше не ранят бореи.
Ощутимо, играет мазками.
Как еще, расскажите скорее,
Можно солнце потрогать руками?

Набросать что ли радуги дуги?
Не сулит счастья стылая вечность.
Через эти труды и потуги
Я пытаюсь найти человечность...

ТЕАТР ВОЙНЫ

Правда часто с лихвою дурашна.
Было живо, а стало мертво.
Не успелось быть больно и страшно,
Не успелось совсем ничего.

Долог путь из прозрения в кому,
Тихий шаг из насущного в сны.
Мне ведь раньше совсем по-другому
Представлялся театр войны:

Благородные рыцари в шлемах,
Крестоносцев тугие ряды.
А сейчас — черный герб на эмблемах,
Бесконечные пути вражды.

Купол неба промяк под ногами,
Подавившись кровавой слюной.
За какие вершки с корешками
Я здесь в землю врастаю спиной?

Я — нигде. Ни на что не похожий.
Что мне пряник? Что след от хлыста?
Не смотри на меня ты, прохожий.
Меня скоро сожрет пустота,

Или нет — разберут на детали.
Мне ответь на вопросец живой:
Я за чьи ордена и медали
Прорастаю здесь дикой травой?

Ветер вольный лицо опалает,
Пустоцвет вместо подлых вериг.
Перерезанных глоток гуляет
Изуверски изломанный крик.

Все — никак. Ни отлично, ни худо,
Ни порвется, ни склеится нить.
Я, мать вашу, за что и куда
Буду здесь обесславленно гнить?